

Л.Ю. Сурова,
аспирантка ИМЛИ,
выпускница Литинститута

ТЕКСТУАЛЬНАЯ ЗАГАДКА ГЛАВЫ «СЕРЕБРЯНЫЙ СУНДУЧОК» ИЗ РОМАНА И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Художественные тексты скрывают в себе множество тайн — тайн, глубоко укорененных в тексте, вытекающих из природы самих текстов; их авторы сгущают жизнь, зашифровывая через символы и образы окружающий мир согласно четко выстроенной звуковой системе.

Нужно умение, чтобы прочесть художественный текст полноценно, нужно раскодировать его: «...каждая деталь и весь текст в целом включены в разные системы отношений, получая в результате одновременно более чем одно значение. Будучи обнажено в метафоре, это свойство имеет более общий характер»¹. Каждый текст — свой мир, свое поле, — ограниченный внешне от всего, чем он не является; внутренне, интертекстуально, к нему тянутся ниточки, нити из среды, его взрастившей. Находясь вне системы, подпочвенно, они сигнализируют о наличии параллельной системы, пересекающейся с основной, через подсистему раскрывается основная система, рождаются новые смыслы.

Получается род некоторой игры: сперва читатель как бы копирует в сознании понятные слова, у него складывается некоторая картина, рождаются ассоциации; и чем обильнее у него ассоциации, тем картина ярче, но ассоциации должен подсказывать сам текст: «Автор как бы дает насладиться обилием смыслов и возможных истолкований текста. Механизм игрового эффекта заключается не в неподвижном, одновременном сосуществовании разных значений, а в постоянном сознании возможности *других* значений, чем то, которое сейчас принимается»².

Непонятное читателю, что останавливает внимание, заставляет за-

держаться, замедляет чтение, и есть внесистемное, отсылающее либо к психологии писателя, либо к его культурной среде. Следовательно, обнаружив какую-нибудь текстуальную загадку, нам придется обратиться к плану психологии или к плану истории (или к обоим).

И чем значительнее художественное произведение, чем ближе оно тяготеет к тому, чтобы стать литературным памятником, тем обильнее оно на текстуальные загадки (или, пользуясь терминологией Ю. Лотмана, «внесистемные элементы»). Разглядеть их и найти соответствующую им систему помогает знакомство с процессом перехода черновых записей, набросков, первоначально публикуемых отрывков в целостное произведение, монолит, в текст, ставший для нас шедевром.

Разбираемое нами произведение «Лето Господне» И.С. Шмелева не задумывалось как роман с самого начала, а появлялось как серия очерков в эмигрантской печати. Практически у каждой главы сложившегося впоследствии романа существует газетный или очерковый двойник. Шмелев, создавая из очерков роман, делая очерки главами романа, вносил соответствующие изменения. Какие-то очерки по тем или иным причинам подвергались значительной переработке, на другие авторское перо не обрушилось потоком исправлений. Так на очерк «Серебряный сундучок» автор потратил много сил и энергии, прежде чем создать из него главу.

Как очерк «Серебряный сундучок» задумывался задолго до конкретного вербального воплощения (1943 г.). У Шмелева в 1933 г. созрел план очерка о целителе Пантелеимоне, о почитании мощей святого в старой Москве, в дореволюционной России /см. письмо И.С. Шмелева И.А. Ильину от 5 декабря 1939 года³/. Пристально вглядимся в этот текст, вчитаемся с лупой в руках, чтобы за узорной вышивкой Шмелева разглядеть канву, по которой клались шелковые нити. Композиционно «Серебряный сундучок» распадается на две части: в первой повествуется как бреют отцу голову, как ухудшается его самочувствие и о страшном цветке арме, знаменующем внезапным цветением дурное. Вторая часть — рассказ о приглашении монахов с мощами св. Пантелеимона в надежде на исцеление отца.

Обратимся ко второй части главы, и поднимем агиографический пласт, житийную литературу, детально рассмотрим житие св. Пантелеимона. Житие этого святого излагается в очерке под своим углом, в тексте главы угол зрения меняется за счет внесенных автором исправлений.

Из ряда сопоставлений выплывает на поверхность текстуальная загадка и ее предстоит разгадать, или прокомментировать ход авторской мысли, раскрыть сплетение нитей авторской психологии.

Первые жития святых создаются после прекращения гонений в IV веке, когда появляется потребность оправдать поклонение реликвиям, мощам пострадавших за веру христиан. В основном это были мученики, т.е. рассказы о мучениках и об их мучениях за Христа, даже если это и «биоусы» (биографические жития), то кульминационный их момент — пытки и смерть святого.

Пересказ жития в главе «Серебряный сундучок» разбит во времени на два отрезка. По завершении обеда на Троицу вечером, маленький герой романа Ваня заходит в каморку своего дядьки Горкина и застаёт конец жития: скорняк Василь-Василич «вычитывает» житие для Горкина. Ваня узнает как, а не за что претерпел муки Пантелеимон; из числа многочисленных пыток выбрано терзание дикими зверями. О других пытках пока не сказано. Стоит заметить, что травля дикими зверями часто встречается в мартириях и рождает массу прибавлений правдивых или выдуманных. Звери ведут себя по-разному: либо нападают на самих мучителей, либо не замечают гонимых, либо совершается поистине чудо — звериная природа укрощается до овечьей. Последний случай описан в житии Пантелеимона. Никакого комментария к факту усмирения львов Шмелев не считает нужным давать. Пространное житие, вышедшее отдельной книгой⁴, подробно объясняет поведение львов.

Краткое описание жития, составленное монахом Афонской Горы⁵, перечисляет случай со львами как рядовой, ничем не выделяя из других мучений.

Для очерка Шмелев поспешил давать какие-либо объяснения чуду со львами; сообщается сам факт травли зверями.

В главе романа появится подробность о нетлении животных, произошедшем от общения со святым.

Очерк

...как царь Максимлиан терзал Святого и травил дикими львами, но ничего не мог причинить худого. Потом усекли Святому главу мечом...

.....

...никто и не прикоснулся...

Глава

...как царь Максимлиан терзал Святого и травил дикими львами, но не мог причинить смертной гибели, и тогда повелел воинам, дабы усекли Святому главу мечом...

...никто и не коснулся святых тел, потому что они не тронули Святого, а легли покорно у его ног.

Видно, что в очерке отрывок из жития передается в пересказе, причем очень сдержанном и упрощенном, затем текст насыщается книжными оборотами, стилизуется под житийное повествование. Тем самым читатель получает возможность попристутствовать в мастерской Горкина в момент «жалостного вычитывания» скорняком рассказа о Святом Целителе. В очерке мы непосредственно не прикасаемся к житию, а слышим лишь его удаленный от нас во времени пересказ.

Подобная замена осуществлена и при дальнейшей передаче жития Пантелеимона. Скупые речевые обороты, порой отдающие разговорной интонацией — «ну-ка вылечите сего слепца» — замещаются в основном тексте оборотами, иллюстрирующими непосредственно житийный рассказ. И опять мы как бы вместе с Ваней держим в руках небольшую книжечку скорняка и по ней прослеживаем жизненный путь мученика.

Очерк

Я прочел книжечку скорняка, где все написано про Целителя Пантелеимона. И что же оказалось! Он жил где-то на Востоке и был ученый доктор. Сам языческий царь повелел обучать его врачебной науке, дабы он стал царским врачевателем. И он хорошо стал лечить, во Имя Христа. И было видение одному священнику в том граде, чтобы вышел за врата. Тот вышел и увидел красивого мальчика Пантелеона, а это значит по-нашему — Все — лев, будто Всесильный. Священник позвал мальчика в свой дом и стал ему говорить про Иисуса Христа. И потом научил христианской вере, окрестил тайно и дал ему имя Пантелеимон — Всемиловитый. И тогда Пантелеимон стал делать чудеса. И все прознали, какой Целитель живет в их городе, и стала про него большая слава. Другие врачеватели сказали царю, что Пантелеимон лечит силою волшебною. И тогда царь захотел прознать, как лечит Пантелеев. Привели слепого, которого врачеватели языческие не могли вылечить. Им Пантелеимон и говорит: «Ну-ка, вылечите сего слепца...». Они стали призывать своего Асклепия, но ничего не вышло. Тогда Пантелеимон сказал им: «Ваш Бог — истукан бесчувственный, а мой — Господь Иисус Христос, и Он мне поможет». И коснулся ложечкой до глаз слепого и сказал: «Во имя истинного Господа Иисуса Христа исцеляется сей раб Божий». И слепой прозрел. И были еще разные исцеления. Царь не поверил и велел пытать Пантелеимона разными муками, чтобы он признался в колдовстве и поклонился идолам: сажал Пантелеимона в расплавленное олово, вешал вниз головой на древе и палил свещми, травил дикими львами, топил в море, но ничего не мог сделать: Пантелеимон выходил невредим (из пыток).

Глава

Я прочел книжечку скорняка про Целителя Пантелеимона. Он жил в давние времена, когда язычники мучили христиан. Жил где-то на Востоке и был ученый врачеватель. Сам языческий царь повелел обучить его врачебной науке, дабы он стал царским врачевателем. И он хорошо стал врачевать, во имя Христа. И было видение одному священнику в том граде, чтобы вышел к воротам. Тот восстал ото сна и вышел. И увидал красивого юношу Пантелеона, что значит «Вселев», или — «Все-сильный». Священник позвал его к себе и стал говорить ему про Иисуса Христа. И потом научил христовой вере, окрестил тайно и дал ему имя Пантелеимон — Всемиловитый. И Пантелеимон стал лечить еще лучше и даже совершал чудеса. И все прознали, какой Целитель живет в их граде, и стала про него великая слава. Другие же врачеватели серчали и донесли царю, что Пантелеимон творит чудеса силою волшебною. И тогда царь захотел дознать. Привели слепого, которого врачеватели языческие не могли вылечить. Сказал им Пантелеимон: «вылечите сего слепого силою вашего врачевательного бога Асклепия!». Они стали призывать своего Асклепия, но не могли излечить. Тогда Пантелеимон сказал им: «ваш бог — истукан, а мой — Господь Иисус Христос, и Он мне поможет». И коснулся лжицей своей глаз слепого и рече:

«во имя истинного Господа моего Иисуса Христа, исцеляется сей недугующий». И слепой прозрел. Царь разъярился и повелел терзать Пантелеимона всякими муками, чтобы он признался в волшебстве и поклонился идолам: сажал Пантелеимона в расплавленное олово, вешал вниз головой на древо, строгал когтями железными и палил свечами горящими, травил дикими львами, топил в море, но Пантелеимон был невредим.

Создавая эффект присутствия читателя при совершающемся событии, автор ведет повествование изнутри событий, меняет на них свою точку зрения со внешней на внутреннюю. «Этот прием явно имеет целью вовлечь слушателя внутрь самого действия рассказа, поставить его на то место, на котором находится герой рассказа»⁶.

В очерке авторская позиция объясняется адресатом излагаемого повествования. Если вспомнить, как начиналась работа Шмелева над «Летом Господним», адресат станет вполне определенным. «Лето Господне» начинает свое существование от очерка «Наше Рождество», адресованное к внучатому племяннику, а в его лице и ко всем детям Русского Зарубежья. В очерке присутствует и некий рассказчик — взрослый человек, и слушающий — ребенок. Но в последующих очерках четкая граница между ними теряется и взрослый рассказчик уже не обязательно сам автор и авторское «я», а ребенок не обязательно конкретный личностный адресат. Романное действие позволяет подставить на место рассказчика — Горкина, а на место слушателя — Ваню. Вряд ли ребенок в возрасте семи лет самостоятельно разберется в священных предметах. По ходу повествования неоднократно приходится наблюдать, как Горкин разъясняет своему подопечному различные стороны жизни, и чаще всего имеющие непосредственное отношение к религии.

Еще раз пройдем глазами пересказ жития и остановимся на незаметной детали, незаметной, если не сравнивать переложение жития с «настоящим» житием.

Кроме полного жития есть и краткий его аналог⁷. И полное, и краткое житие повествует о детстве Пантелеимона. Полное житие подробно сообщает о матери и отце святого, что основы христианского учения заложила в него рано скончавшаяся мать, отец по традициям того времени отдал юношу обучаться «эллинской премудрости» и пожелал, чтобы сын его был доктором. Пантолеон — имя, данное при рождении, — рос в языческой вере, поклонялся вместе с отцом языческим богам, и постигал науку Гиппократову у некоего врача Евфросина. Царь заметил способного юношу и Пантолеону предназначалась участь царедворца, если бы не обращение в христианство. Пантолеона крестит пресвитер Ермолай. В кратком житии о событии, перевернувшем жизнь Пантолеона, сказано сдержанно: «Пантелеимон, носивший тогда имя Пантолеона, оказал быстрые успехи в этой трудной науке и обратил на себя внимание императора Максимиана, пожелавшего сделать его главным врачом при своем дворе; но прежде чем это предназначение

царя исполнилось, по воле и домостроительству Царя царей, хотящего всем спастися Господа, Пантолеон был обращен пресвитером Ермолаем в христианскую веру»⁸. Полное житие рисует картину обращения в подробностях, но, отметим, так же реалистически, без присовокупления чудесного.

Утверждение в вере происходит не сразу, новообращенный еще колеблется, ему предоставляется на деле испытать действенность Божьей благодати: Пантелеимон пробует призвать Христа над ребенком, умершим от укуса ехидны — ребенок оживает. Эпизод воскрешения ребенка не упускается даже кратким житием. У Шмелева в передаче жития подчеркивается именно чудесность встречи Пантелеимона с пресвитером.

Очерк

И было видение одному священнику в том граде, чтобы вышел за ворота. Тот вышел и увидел красивого мальчика Пантелеона...

Глава

И было видение одному священнику в том граде, чтобы вышел к воротам. Тот восстал ото сна и вышел. И увидал красивого юношу Пантелеона...

Видение, чудесный сон, встреча у ворот — эпизоды, переселяющие в атмосферу необыкновенного. «Настоящее» житие стремится сочетать обыкновенное с чудесным, сообщить нечто, психологически опровергающее поведение мученика.

Если положить рядом, с одной стороны, жития, а с другой — то, как перелагает их Шмелев, мы увидим свойственную художественным текстам апокрифичность, т. е. исключительно авторский взгляд на общеизвестный факт, сюжет и т. п. Поскольку, в данном случае, автор имел дело с определенным канонem, то, относясь к нему с почтением, Шмелев прибегнул к апокрифичности, которую мы бы назвали поэтической вольностью. Теми же осторожными приемами Шмелев пользуется при обращении к другому почитаемому в старой России житию — «Житию Василия Нового», но известно оно больше под «Мытарствами блаженной Феодоры». В сюжете этого жития апокрифичность заложена изначально, т. к. оно близко стоит к апокрифическим сказаниям о путешествиях душ праведников и самой Богородицы в страну умерших.

О хождении Феодоры по мытарствам «вычитывает» опять скорняк Василь-Василич в главе «Говенье». Нам не дано знать сам ли слушал Ваня это «вычитывание» или только Горкин, а затем пересказал Ване. Когда Шмелев писал «Говенье» в виде очерка, то не снабжал текст фразеологией, явно могущей принадлежать Горкину. Позднее очерк перерабатывался в главу романа, и все усилия автора были направлены на создание эффекта «чужой речи»; автор переходит на точку зрения одного из персонажей. Или скажем, используя слова Б. Успенского: «... мы имеем здесь случай перевода авторского текста на индивидуальный язык персонажа»⁹. Чтобы стало понятно, какую работу Шме-

лев проделывает над очерком, приведем некоторые выражения, добавленные в текст главы (из отрывка главы предшествующего переложению видения Феодоры, и, включая переложение): «ангели вознесут на крылах», «на питрахили», «отпустит — скажет — помолится» (вместо «отпустит»), «аз недостойный иерей прощаю-разрешаю», «вычитывал» (вместо «читал»), «такое видение сна ей было» (вместо «такое видение ей было»), «Господу, ведь, откроешься, а Он все — о про нас ведает» (вместо «Господу откроешься»), «все-то про все записано» (вместо «все-то записано»), «страшилась-трепетала» (вместо «страшилась»), «самые эти главные, смрадные и звериные» (вместо «эти смрадные и звериные»), «в самом-то уголке».

Шмелев передает хождения Феодоры по мукам кратко, излагая самую суть. «Эти», злые духи, по смерти хотят затащить Феодору в ад, Ангел откупает душу от мытарств добрыми делами, он достает дела из мешочка в ответ на грехи в списках «этих». Кульминационный момент истории совершенно такой же, как и в народной сказке, когда герой должен выдержать решительное испытание и победить. Подобное случается и с Феодорой; ее душа, водимая Ангелом, достигает последнего мытарства и если не окажется чем откупиться — погибла, но, к счастью, как раз, оказывается доброе дело, «в самом-то уголке».

«Канонический» текст «Мытарства блаженной Феодоры и страшный Суд Божий» подробно рассказывает о каждом в отдельности мытарстве; спасалась от них Феодора не по добрым делам, а по молитвам святого старца, того самого Василия Нового, в состав жития которого и включен рассказ о загробных мытарствах Феодоры, ходившей за святым Василием в его болезни. Поэтому и заслуживает она его спасительные молитвы. В каноническом житии сказано, что праведники «восходят на небо без всяких препятствий, и святые ангелы являются им защитниками, а святые угодники Божии молятся о спасении душ таких, праведно живших людей»¹⁰ (11).

В главе «Говенье» мы можем услышать отголосок вышеприведенной цитаты из жития. Ваня в хрестоматии прочел о старичке и посаженной им горошине. Гороховый росток дорос до неба. Историю о старичке досказывает Ване Горкин, влагая душеполезный смысл: старик до неба не долез по гороховой плети, не пустили грехи. И далее добавляет: «А праведные и без гороха могут, ангели вознесут на крылах (добавлено в основном тексте). А он /старичок/ исхитрялся: по гороху, мол, в рай долезу! Не по гороху надо, а в сокрушении о грехах». Добавленное в позднейший текст главы «ангели вознесут на крылах» помогает установить источник высказываний Горкина — текст «Мытарств»; рассуждение о грехах Горкин заимствует из него. Но сам рассказ о Феодориных мытарствах Горкин передает по-своему, не руководствуясь «каноническим» описанием. И главное: в «каноническом» тексте видение было не самой Феодоре, а ученику старца Василия; ученик Григорий спрашивал у старца, что стало с умершей Феодорой, и сподобился видения.

Очерк «Говенье» говорит о простом виденье; только после Шмелев добавляет «видение сна». В «Серебряном сундучке» исправления подобно рода: сначала пресвитеру дано простое видение о Пантелеимоне, затем видение становится сонным. Хождение Феодоры, якобы во сне, по мытарствам отсылает к апокрифической традиции, к апокрифам, составляющим целую группу среди разного рода апокрифических сказаний, — это упомянутые нами рассказы о прижизненном сподоблении увидеть посмертную судьбу людей: путешествие в рай и ад; часто путешествия совершаются во сне. Исследование древнерусских апокрифов приводит В.В. Милькова к важному для нас заключению: «... апокрифические сведения о небесном рае мы получаем из видений, тогда как земной рай неизменно описывается в жанре хождений»¹².

Сон Феодоры звучит в Горкинской интерпретации, как и комментарий к сказке про старика и горох. По нравоучению Горкина о старике понятно, где мыслит он существование рая. У Горкина — небесный рай. В свое время (из Новгородских летописей под 1347 г.) вопрос о локализации рая породил спор между новгородским архиепископом Василием Каликой и тверским епископом Феодором Добрым. До нас дошла лишь критика Василия на Феодора, по которой исследователи заключают о воззрениях самого Феодора: «С некоторой степенью надежности мы имеем основание предположить, что Федор Добрый прибегнул в богословских спорах к аллегорическому методу толкований, с позиций которого он переосмыслил не согласующиеся между собой сведения о рае земном и рае небесном и сделал вывод не в пользу чувственного рая»¹³.

Сам же Василий мыслил рай буквально: нетленным и земным, как описывает рай Писание; Адама и Еву изгнали из Сада, но сам Сад неуничтожим. Наравне с Писанием Калика опирается в своих доводах на апокрифические сказания. «В апокрифах для новгородского владыки важными оказались не столько соответствия с ветхозаветными постулатами о земном рае, сколько наивная вера в достижимость райских пределов»¹⁴.

Известным знатоком и любителем апокрифов был А.М.Ремизов — собрат Шмелева по перу, родня по замоскворецкому детству, а в старости даже сосед — поселились в послевоенном Париже на одной улице. Знакомство Ремизова с апокрифами начинается с дядюшкиной библиотеки; библиотека купцов Найденовых стала частью Румянцевской. Среди памятников древнерусской литературы писателя привлекали «повести и сказания о ветхо— и новозаветных лицах, в которых раскрывались тесные контакты между Богом и Человеком в первозремена после сотворения мира»¹⁵. Кроме чтения славянских манускриптов в Санкт-Петербургском Археологическом Институте в 10-12 гг. XX в. и сведений из библиотечного мира Найденовых, апокрифическую, легендарную атмосферу создавали образы из детства, получившие воплощение в книге воспоминаний о замоскворецком детстве «Подстриженными глазами».

Шмелев целомудренно подходит к житиям, присоединяет к каноническому свою деталь-выдумку. Он маскирует этот «прием». Художественная вольность Ремизова иная; он буквально показывает на пальцах суть своего метода, в упомянутой книге «Подстриженными глазами»: «В Кремле, в Благовещенском соборе, указывая на стену, мне сказали: «Вот кит, поглотивший пророка Иону». Перед китом толпилось немало любопытных, а особенно усердные к чему-то прикладывались. Я долго всматривался: где? И вдруг увидел «своими» глазами: мне ясно представилось — «излучилась» пасть серого глазатого зверя, его задымленные внутренности — ряд сводчатых келий, и в одной, самой тесной, сдавленной и колышущейся, согнувшийся старичок над книгой: маленький свет — тоненькая свечка в руке. Эта тоненькая свечка навсегда у меня в глазах. Ее ясный свет и теплый душистый воск — моя первая книжная память: легенда»¹⁶.

В «Лете Господнем» находим не менее интересные примеры того, как рождается апокриф в детском, или в родственном детскому, народном сознании. Горкин постоянно переиначивает незнакомые по звучанию слова: «ефимоны», «питимья». Так в Рождественском повествовании о волхвах, вместо «волхвов» появляются близкие в звуковом соотношении «волки». Из-за звуковой несообразности рождается красивый миф о поклонении плотоядных зверей, волки идут на поклон к Христу и Христос прощает их.

Создатели апокрифов стремились восполнить недостающее в каноническом тексте житий, недостающее, по их мнению, потому что изначально цели канонического жития и апокрифического не одни и те же. Канонические сочинения преследовали свою цель: дать пример для подражания, показать «идеального человека» как понимает его христианство, дать христианский идеал жизни. Еще раз напомним о мучениях; центральным событием первых житий были эпизоды многочисленных пыток. Дополнительных чудес, кроме тех, что происходили во время пыток, не полагалось канонам.

Житие Пантелеимона, как говорилось, повествует об обычном обращении в веру, присутствует элемент сомнения. Шмелев, передавая обращение Пантелеимона, сосредоточивается на чуде. Чуда ждут домочадцы маленького Вани; «домашние» надеются на благоприятный исход болезни отца — на выздоровление. В очерке мы встретим человеческие сомнения, веру в приметы, указывающие на дурной исход болезни: завывание Бушуя, дворовой собаки, внезапное и одновременное цветение растений в доме. Именно в очерке верят приметам, а не чудодейственной силе призываемого святого. Но только через обращение к очерку нам удастся найти систему, которая породила шмелевскую «апокрифичность». Из главы автор убирает благочестивый совет, подаваемый Ване, чтобы он молился св. Пантелеимону в тех же выражениях, как и Богородице. Не случайно святой мученик и Пречистая неразлучны в сознании простых людей. Призывание в дом Царицы Небесной — иконы Иверской Божией Матери и ковчежца с мощами

св. Пантелеимона, судя по воспоминаниям о Москве конца XIX века, — обычное явление, не обязательно связанное с болезнью, а своего рода обычаем, часть быта любой купеческой семьи.

Помимо ссылок на художественную вольность, чудесная встреча Пантелеона с пресвитером, окрестившим святого, объясняется исходя из реальности, из реального детства Шмелева и московской топонимики. Купеческая семья Шмелевых не отличалась богатством; первое крупное предприятие — изготовление кирпича на нужды оправляющейся после пожара 1812 года Москвы — не задалось по вине держателя дела: найдена партия нестандартного кирпича, за этим последовал штраф.

«Кирпичный процесс» приходится как раз на момент покупки знаменитого дома на Большой Калужской, в Замоскворечье, месте расселения многих купеческих семейств. В воспоминаниях В.Н. Харузиной, содержащих сведения о замоскворецком детстве и о быте своей купеческой семьи¹⁷, упоминается о прогулках с гувернанткой-иностранкой в районе Большой Калужской, в сторону Донского монастыря, по Донской, куда одним боком выходил дом Шмелевых.

Главными объектами внимания на протяжении прогулок делались церкви, архитектурные достоинства церквей, красота убранства. Маленький Ваня, разумеется, не мог прогуливаться из конца в конец Замоскворечья под присмотром строгой бонны. Такую строгую бонну ему заменял Горкин: они совместно ездили на Болото, посещали Донской монастырь. И если уж иностранка с вверенными ей детьми считала за долг посетить встречные храмы и рассказать детям о настенной живописи, то, тем паче, дядька из народа многое, наверное, мог порассказать о святынях — всего не вместишь в тесную романную строку.

Приходская церковь Шмелевых — церковь Казанской иконы Божьей Матери; вблизи нее на Большой Якиманке еще два храма: Благовещенная Пресвятой Богородицы и свв. апостолов Петра и Павла.

Церковь Благовещения прежде носила имя Иоакима и Анны, затем осталась в честь родителей Богородицы один придел, но сохранились иконы, посвященные их житию. До сих пор в храме Иоанна Воина на Якиманке можно видеть икону предположительно из разрушенного храма Благовещения. На иконе изображена чудесная встреча праведных Иоакима и Анны у ворот города, после явления во сне ангела обоим супругам. Ангел предвестил, отчаявшейся в надежде на чадородие Анне, что у нее родится дочь. В подтверждение ангел сказал, что, восстав, Анна обретет своего мужа у городских ворот — так и случилось. Один из сюжетов иконы Рождества Богородицы изображает встречу благочестивых супругов.

Иконографический сюжет вкрался в повествование о святом Пантелеимоне; сознательно или подсознательно писатель привнес в канонический рассказ впечатления раннего детства.

Так и родился «апокрифический» эпизод встречи Пантелеимона со своим учителем у ворот города, эпизод при дальнейшей переработке

из очерка в главу романа обставляется чудесностью. Это связано с переходом на точку зрения Горкина. И мы через эту «апокрифичность» познаем сущность народного сознания, с его верой, тяготеющей не только к чудесному, но и к поэтически-метафорическому выражению себя и мира. Именно это народное сознание стремится донести Шмелев, прежде всего до молодых эмигрантов, утративших связь с Родиной своих родителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. // Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб.: «Искусство — СПб», 2000, С.76.
- ² Там же, С.77.
- ³ Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: В 3 т. Т.2.(1935 — 1946). / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифровка и текстол. подгот. писем И.С. Шмелева О.В. Лисицы. — М.: Русская книга, 2000, С.283.
- ⁴ Житие, страдания и чудеса св. великомученика и целителя Пантелеимона: В 2-х частях — Афонского Русского Пантелеимонова монастыря издание, Изд. 11-е. — М.: 1903.
- ⁵ Житие, страдания и чудеса св. великомученика и целителя Пантелеимона. — СПб.: 1869.
- ⁶ Успенский Б.А. Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000, С.125.
- ⁷ Безобразов П. Византийские сказания. — Юрьев, 1917.
- ⁸ Житие, страдания и чудеса св. великомученика и целителя Пантелеимона. — СПб.: 1869, С.10.
- ⁹ Успенский Б.А. Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000, С.97.
- ¹⁰ текст печатается с издания «О мытарствах преподобной Феодоры и других видениях преподобного Василия Нового» / заимствовано из разных душеполезных книг, а также рукописей, хранящихся в библиотеках святой Афонской Горы/, составитель игумен Антоний, 1907 г.
- ¹¹ Мытарства блаженной Феодоры и страшный Суд Божий. — Льялово: ООО «Адрес-Пресс», 2002 /Религиозное издание/, С.22.
- ¹² Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1999 /Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 1/, С.209.
- ¹³ Там же, С.206.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т.6. Лимонарь. — М.: Русская книга, 2001, С.658.
- ¹⁶ Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т.8. Подстриженными глазами. Иверень. — М.: Русская книга, 2000, С.104.
- ¹⁷ Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детских лет. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. М.М. Керимовой и О.Б. Наумовой. — М.: Новое литературное обозрение, 1999.